

1 сентября 1973 г.

ПОЛЬСКИЙ

У нас

на гастролях

ГАМЛЕТ

ВЧЕРА НАЧАЛ свои гастроли один из выдающихся и старейших польских театров — Театр «Народовы», основанный в 1765 году. Это театр больших традиций — не потому ли такое значительное место занимает в его репертуаре польская классика? — и вместе с тем театр исканий, не чуждающийся экспериментов, смелых и неожиданных творческих решений, к которым всегда тяготеет его нынешний руководитель Адам Ханушкевич. Традиции и новаторство органично сочетаются в искусстве Театра «Народовы», стремящегося не только к новым темам, но и к непрестанному обновлению сценических выразительных средств. Показателем в этом смысле первый его гастрольный спектакль — «Гамлет» Шекспира в постановке Адама Ханушкевича.

Роль Гамлета играет Даниэль Ольбрыхски, принадлежащий к молодому поколению современной польской сцены. Артист и режиссер спектакля создали новый сценический характер датского принца, сразу занявший значительное место в театральной истории шекспировской трагедии. Творение великого английского поэта преломлено по-своему и глубоко современно.

Польский Гамлет предстал как человек гордый, нервный, легко воспламеняющийся, бунтующий, ранимый. Мысль у него остра подобно тому, как меток разящий удар шпаги. В облике его есть своеобразная спортивность — легко представить себе, как он скачет на лошади, каков в гимнастическом зале. У него резко очерченный энергичный подбородок, в абрисе которого ощущается одновременно и воля и мягкость натуры, нечто детское и нечто мужественное. И кисти рук Гамлета напоминают руки микеланджеловского Давида: они несколько велики, как руки не совсем оформившегося юноши, но вместе с тем, в этих грубоватых и красивых руках ощущается сила — сила пальцев, равно крепкая и для рукопожатия, и для удара, если удар надо нанести. «Дания — тюрьма», — произносит Гамлет — Ольбрыхски, впадая в горькую и горестную задумчивость. Жестокость окружающего мира захватничества и произвола будто впервые предстает перед ним во всей своей невыносимости. Его путь в спектакле — путь познания, путь взрывчатый. Оттого так обострены ритмы игры молодого актера, переходы от неподвижности к резкому движению, от внутренней сосредоточенности и даже замкнутости к порывам горячего, пламенеющего темперамента.

Но самое главное — душа его светла, а прежде всего в этом сказывается трактовка натуры шекспировского принца на польской сцене — трактовка истинно славянская.

Необычное значение в спектакле придано отцу Гамлета, вернее — Призраку его отца, как он наименован у Шекспира. Удивителен на сцене дуэт Гамлета и его любя-

мого родителя, роль которого играет Адам Ханушкевич. Гамлет воспринимает слова отца, будто прислушивается к собственным мыслям; отец обращается к Гамлету, как бы материализуя в словах внутренние голоса, возникающие в душе и сознании сына. И одеты они в совершенно одинаковые костюмы. Гамлет и его отец как бы две стороны одного «я»; режиссер избегает какой бы то ни было мистики в образе призрака, помогающего понять и физически — именно так! — ощутить в спектакле внутренние боления юноши.

Своеобразна трактовка других главных шекспировских персонажей. Необычен Клавдий у артиста Анджея Лапицкого; по виду вовсе не злодей, этот Клавдий — не исчадие мерзости, а взращенный временем обыкновенный для своей эпохи характер. Режиссер, очевидно, хочет подчеркнуть, что для Клавдия вся цепь его поступков естественна, вытекающая из его убеждений. Такова же Гертруда — артистка Зофья Кушувна, не греховная красавица, поддавшаяся сластолюбию, а слабая женщина, живущая по кодексу Дании-тюрьмы, не осознавая, как безнравствен этот кодекс. И Полоний у артиста Мариуша Дмоховского предстает спокойным, каким бывает человек, считающий себя непогрешимым против совести; благонамеренно служит он Клавдию и его целям, потому что с молоком матери впитал безнравственные устои. Тем самым обвинение, бросаемое театром «Клавдиеву миру», где порок — явление обыденное, своеобразно усиливается. И еще трагичнее становится прозрение Гамлета и его судьба.

Мучительно корчится Гертруда, сжавшись в комок в мгновение своей смерти; действие отравленного клинка, спазмы боли показаны натурально. Но одновременно театр чуждается конкретных бытовых деталей в изображении Эльсинора. Откровенная театральность и подчеркнутая естественность всего происходящего — два художественных полюса сценического действия, выстроенного Адамом Ханушкевичем и исполнителями спектакля.

Театр играет Шекспира в своеобразных декорациях художника Марьяна Колодзая, с железным занавесом, с металлическими рифлеными стенами, замыкающими сценическую площадку. Металлическая театральная аппаратура, то и дело перерезающая сценическое пространство, усиливает впечатление жестокости того мира, в котором бьется и гибнет Гамлет. Металл, металл... Впечатляет сам материал, из которого изготовлено оформление. Стук в железную стену (стуком Горацио в железный занавес начинается спектакль) вызывает эхо, и мрачный гул несется со сцены, рождая ощущение резкого ветра, разреженного воздуха, холода. А когда в конце спектакля в эпизоде состязания Гамлета и Лаэрта оба молодых человека разденутся до пояса, возникнет обостренный контраст железного тюремного окружения и живой, теплой человеческой плоти. Режиссер подчеркивает, как легко ранить обнаженное человеческое тело, как бесчеловечен приказ Клавдия — приказ убить. И гуманистическая идея спектакля обретет еще одно яркое выражение.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

Снимок Даниэля ОЛЬБРЫХСКОГО сделан в Варшаве. Сейчас актер играет Гамлета с бородой — он снимается в фильме, где у его героя должна быть вполне «современная» внешность.